

ДЖУЛИАНА

ГРЕЙ

Ляука
страсти

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г79

Серия «Очарование» основана в 1994 году

Juliana Gray
HOW TO TAME YOUR DUKE

Перевод с английского *Е. Максимовой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow&Nesbit Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Грей, Джулиана.

Г79 Наука страсти : роман / Джулиана Грей; [пер. с англ. Е. Максимовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-080461-0

Прелестная Эмили, которой угрожает смертельная опасность, вынуждена, переодевшись юношей, поступить на службу к одинокому герцогу Эшленду, герою Наполеоновских войн, под видом домашнего учителя для его сына-подростка.

Поначалу девушка панически боится сурового хозяина, но очень скоро ее страх переходит в робкое любопытство, а от любопытства недалеко и до нежных чувств.

Однако рано или поздно герцог узнает в молодом наставнике таинственную красавицу, покоровшую его сердце и подарившую надежду на новое счастье...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Juliana Gray, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-080461-0

Пролог

*Лондон, Англия
Октябрь 1888 года*

В два часа ночи, когда холодный осенний дождь барабанил по задернутым дамастовыми шторами окнам городского дома на Парк-лейн, герцога Олимпию разбудил камердинер и сообщил, что внизу, в кабинете, его ожидают три леди.

— Три леди, говоришь? — спросил Олимпия таким тоном, словно осведомлялся о трех совокупающих их лиц.

— Да, сэр. И двое сопровождающих их лиц.

— В моем кабинете?

— Я подумал, так будет лучше, сэр, — ответил камердинер. — Кабинет расположен в задней половине дома.

Олимпия устался на герцогский балдахин у себя над головой.

— Разве не Ормсби должен заниматься подобными вопросами? Это его работа. отошли женщин прочь или отправь их до утра в верхние спальни.

Камердинер поправил рукав халата.

— Мистер Ормсби предпочел обратиться ко мне, ваша светлость, поскольку дело носит личный характер и требует незамедлительного вмешательства вашей светлости. — Голосом он слегка выделил слово «незамедлительного». — Слуги, разумеется, отправлены на кухню.

У Олимпии сразу заняли уши. Его затуманенный сном мозг начинал просыпаться, как разгорается потухший огонь в камине, возвращенный к жизни угрюмой горничной.

— Понятно, — сказал он, все еще глядя на балдахин. Под головой у него в наволочке из превосходной ткани лежала невесомая подушка из мягчайшего пуха, уютно обволакивая его ароматом лаванды, а сам он, как в теплом коконе, устроился на мягком матрасе под тяжелыми одеялами. Пришлось выпростать из этого убежища руку и стянуть с головы ночной колпак. — Ты сказал, три леди?

— Да, сэр. И собака. — Не меняя интонаций, камердинер все же сумел выразить свое неодобрение появлением пса.

— Полагаю, корги. А что леди — две белокурые, одна с каштановыми волосами?

— Да, сэр.

Олимпия сел и тяжело вздохнул.

— Я их ждал.

Восемь минут спустя, в желтом халате, изобилующем британскими львами, с аккуратно причесанными седеющими волосами и чудесным образом выбритым подбородком, герцог Олимпия бесшумно открыл дверь в свой личный кабинет.

— Доброе утро, мои дорогие, — сердечно произнес он.

Три леди подскочили в креслах. Корги высоко подпрыгнул, приземлился, распластав лапы, на бесценный аксминстерский ковер, где тотчас же и осрамился.

— Прошу прощения, — сказал Олимпия. — Заклинаю, не вставайте.

Леди вновь опустили в кресла, за исключением самой младшей, с каштановыми волосами. Та взяла на руки собаку, браня ее шепотом.

— Ваша светлость, — сказала старшая из дам, — приношу свои нижайшие извинения за неподобающий час нашего у вас появления. Надеюсь, мы не подняли на ноги весь дом. Мы не собирались беспокоить вас до утра...

— Да только этот ваш дурацкий новый дворецкий, Ормсби, или как там, к дьяволу, его зовут... — выпалила младшая.

— Стефани, дорогая моя! — воскликнула старшая леди.

Олимпия улыбнулся и закрыл дверь. Замок мягко щелкнул. Герцог прошел в комнату и остановился перед первым креслом.

— Луиза, милое дитя. Как ты чудесно выглядишь, несмотря ни на что. — Он сжал ее руку. — Величайшее удовольствие снова видеть вас, ваше высочество, после столь долгих лет.

— О дядя. — По бледным щекам Луизы разлился румянец, ее запавшие голубые глаза наполнились слезами. — Вы невероятно добры.

— А, Стефани, дорогая моя разбойница. Представь себе, недавно я встретил одну юную леди, так сильно напомнившую мне тебя. Уверяю, мое старое сердце сразу заныло. — Олимпия потянулся к руке Стефани, но та отпустила собаку, прыгнула с кресла и с размаху обняла герцога.

— Дядюшка герцог, до чего здорово, что вы взяли нас к себе! Я знала, что вы не откажете, вы всегда были славным малым!

Юные сильные руки Стефани крепко обнимали его за талию. Олимпия ласково похлопал ее по спине и рассмеялся.

— Ты всегда была самой безрассудной девчонкой на том чертовом коровьем пастбище, которое вы называете своим домом.

— Хольштайн-Швайнвальд-Хунхоф вовсе не коровье пастбище, дядя герцог! — Стефани отпрянула и шлепнула его по руке. — Это самое очаровательное княжество во всей Германии! Сам герр фон Бисмарк назвал его великолепным. А дорогая Вики...

— Да, разумеется, дорогая моя. Я просто немного тебя подразнил. Уверен, оно совершенно очаровательно. — Олимпия с трудом удержался, чтобы не передернуться. От буколических ландшафтов у него скручивало живот. Он повернулся к последней принцессе очаровательного Хольштайн-Швайнвальд-Хунхофа, средней дочери, успокаивающей корги. Тот попеременно то зевал, то начинал скулить. — И Эмили, — сказал он.

Эмили подняла взгляд и улынулась ему из-под очков.

— Дядя. — Она опустила корги на ковер и встала.

Сколько же ей сейчас лет? Двадцать три? Двадцать четыре? Но глаза кажутся старше, круглые, совиные, невероятно древние на чистой коже лица с изящными скулами. А волосы при свете единственной электрической лампы на столе Олимпии отсвечивают золотом. Две другие гостьи — весьма привлекательные девушки с царственными чертами лица, что отлично видно на фотографиях, но красота Эмили более изысканна. Она прячется и скрывается за стеклами очков и застенчивым характером. Ученый, вот кто такая Эмили: она разбирается в латыни и греческом лучше, чем сам Олимпия. В крови их семейства имеется предрасположенность к гениальности, и Эмили она досталась в полной мере.

— Моя дорогая девочка. — Олимпия взял ее за руки и поцеловал в щеку. — Ну, как ты?

— Все хорошо, дядя. — Она ответила спокойно, но в голосе послышались слезы.

— Садитесь скорее. Я велел принести чаю. Должно быть, вы совершенно измучены. — Он показал на кресла, а сам устроился на уголке письменного стола. — Пересекли Ла-Манш вчера ночью?

— Да, после заката, — сказала Стефани. — Меня два раза вырвало.

— Право же, Стефани! — резко оборвала ее Луиза.

— Это все лакрица. — Стефани снова опустилась в кресло и посмотрела на позолоченный потолок. — Никогда не могу устоять перед лакрицей, а тот маленький мальчик на пристани...

— Да, в самом деле, — поддакнул Олимпия. — А что ваши слуги?

— О, с ними все в порядке. Крепкие желудки и все такое. Олимпия кашлянул.

— Я имею в виду — кто они? Им можно доверять?

— Да, разумеется. — Луиза снова метнула укоризненный взгляд в сторону Стефани. — Наша гувернантка — как вам известно, она с нами уже тысячу лет, и папин... — тут ее голос слегка дрогнул, — папин камердинер, Ганс.

— Да, я помню Ганса, — отозвался Олимпия, вызывая в памяти плотного сложения мужчину, не особо ловко обращав-

шегоса с шейными платками, но зато глаза его пылали преданностью хозяину, которому он служил еще до того, как князь женился на самой младшей сестре Олимпии. — И мисс Динглеби тоже помню. Именно я отправил ее к вашей матери, когда Луиза достаточно подросла и начала учиться. Рад слышать, что ей удалось спастись вместе с вами.

— Значит, вы уже слышали, что произошло. — Луиза смотрела на свои руки, плотно сцепленные на коленях.

— Да, дорогая моя, — участливо произнес Олимпия. — Мне очень жаль.

— Конечно, он слышал, — ожидаемо резко воскликнула Эмили. Ее глаза, устремленные на Олимпию, остро поблескивали под очками. — Наш дядя узнает обо всех подобных вещах зачастую раньше, чем весь остальной мир. Ведь правда, дядя?

Олимпия развел руками.

— Я — обычный человек. Просто время от времени кое-что слышу...

— Чепуха, — отрезала Эмили. — Вы нас ждали. Расскажите, что вам известно, дядя. Мне бы хотелось хоть раз услышать все целиком. Видите ли, когда оказываешься в гуще событий, все очень перепутывается. — Она настойчиво смотрела на него этими своими мудрыми глазами, и Олимпия, чьи внутренности ничто не могло легко растревожить (за исключением буколических ландшафтов), внезапно отчетливо ощутил кувырок где-то в районе печени.

— Эмили, что за дерзость! — воскликнула Луиза.

Олимпия выпрямился.

— Нет, моя дорогая. В данном случае Эмили совершенно права. Я взял на себя смелость полуофициальными путями навести кое-какие справки. В конце концов вы — моя семья.

Последние слова эхом пронеслись по комнате, вызвав образ матери девушек, сестры Олимпии, умершей десять лет назад в тяжелых родах, когда она произвела на свет долгожданного наследника Хольштайн-Швайнварльд-Хунхофа. Младенец, родившийся на два месяца раньше положенного срока, умер на следующий день, и, хотя князь Рудольф

женился еще дважды и еженощно трудился, усердно пытаюсь выполнить свой долг, желанных мальчиков так больше и не дождался. Остались только три юные леди: принцесса Стефани, принцесса Эмили и (четыре месяца назад князь вынужден был склониться перед неизбежностью) коронованная принцесса Луиза, официальная наследница престола Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф.

А их мать, как призрак, все еще витала в этой комнате. Любимая сестра Олимпии, хотя он никогда бы в этом не признался. Его собственная дорогая Луиза, умная, красивая, полная очарования, влюбившаяся при дворе в князя Рудольфа тем нескончаемым летом 1854 года, когда в моду вошли германские императорские особы.

У Эмили, подумал Олимпия, глядя на юных принцесс, глаза Луизы.

— И? — спросила она, прищутив столь знакомые глаза.

Электрическая лампа мигнула, словно что-то помешало движению тока. На улице на проходящего мимо пьяницу или ночного мусорщика негромко гавкнул пес, и корги вскочил на ноги, а уши у него задрожали. Олимпия скрестил свои длинные ноги и положил правую руку на край стола, сжав пальцами полированное дубовое дерево.

— Боюсь, у меня нет ни малейших догадок о том, кто стал причиной гибели вашего отца и... — он перевел исполненный скорби взгляд на Луизу, сидевшую с потупленным взором, — ...твоего супруга, дражайшая моя Луиза. — Это была не совсем ложь, хотя и не совсем правда, но Олимпия давно утратил шепетильность в подобных вопросах. — Разумеется, подозревают, что убийца принадлежал к одной из партий, разъяренных тем, что Луизу объявили законной наследницей, и ее последующим браком с... прошу прощения, моя дорогая, как звали несчастного, упокой Господь его душу?

— Петер, — прошептала Луиза.

— Ну конечно, Петер. Приношу глубочайшие извинения за то, что я не смог посетить погребальную церемонию.

Мне показалось, что от моего отсутствия никто не пострадает.

— Кстати, многоярусную вазу вы прислали просто восхитительную, — заметила Стефани. — Мы пришли от нее в настоящий восторг.

— Я сделал это с радостью, — отозвался Олимпия. — Осмелюсь спросить, упаковано все надежно?

— Мисс Динглеби лично за этим проследила.

— Умница мисс Динглеби. Превосходно. Да, так убийцы. Я собирался сам за вами послать, но прежде, чем успел сделать необходимые приготовления, до меня дошел слух...

— Так быстро? — спросила Эмили, глядя на него умными глазами.

— Существует телеграф, моя дорогая. Как мне говорили, даже в княжестве Хольштайн-Швайнвальд-Хунхоф, хотя в данном случае сообщение пришло ко мне от моего друга из Мюнхена.

— От какого друга? — подалась вперед Эмили.

Олимпия махнул рукой.

— О, просто старый знакомый. Во всяком случае, он изложил мне факты этого последнего происшествия и... и...

Луиза подняла глаза и свирепо спросила:

— Вы имеете в виду попытку меня похитить?

— Да, моя дорогая. Именно это. Я был счастлив услышать, что ты защищалась, как истинная дочь нашей крови, и сумела избежать пленения. Когда газеты сообщили, что вы трое исчезли вместе со своей гувернанткой, я понял, что бояться больше нечего. Мисс Динглеби знает, что делать.

— Она — настоящая героиня, — сказала Луиза.

Олимпия улыбнулся.

— Я несколько не сомневаюсь.

— Ну ладно, — вмешалась Стефани. — А когда мы начнем? Завтра утром? Потому что сначала мне бы хотелось нормально хотя бы ночь поспать, после всей этой суматохи. Заодно заявляю, что больше никогда даже не взгляну на лакрицу.

— Начнем? — Олимпия моргнул. — Начнем что?

Стефани выпрыгнула из кресла и начала расхаживать по комнате.

— Ну как же, разумеется, расследовать это дело! Выяснить, кто за этим стоит. Я буду более чем счастлива побыть наживкой, хотя мне кажется, что они больше охотятся за Луизой, да поможет им Бог.

— Дорогая моя, будь добра, сядь. У меня от тебя голова закружилась. — Олимпия прикрыл глаза рукой. — Расследовать? Побыть наживкой?! Совершенно исключено. Мне и в страшном сне не приснится — так рисковать своими дорогами племянницами.

— Но что-то же надо делать! — воскликнула Эмили, тоже вскочив.

— Конечно, и что-то будет сделано. Министерство иностранных дел очень обеспокоено случившимся. Нестабильность в регионе чревата непредсказуемыми последствиями. Заверяю вас, они проведут самое тщательное расследование. А пока вам придется скрываться.

— Скрываться? — спросила Эмили.

— Скрываться! — Стефани резко остановилась и повернулась к нему с разъяренным лицом. — Принцессы Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа не скрываются!

Олимпия оттолкнулся от стола и сцепил за спиной руки.

— Разумеется, нет никакого смысла скрываться обычным образом. Как мне говорили, эти континентальные агенты неестественно пронырливы, разыскивая свою цель. Просто отослать вас в какую-нибудь отдаленную деревню недостаточно. Ваши фотографии уже напечатаны во всех газетах.

Стефани всплеснула руками.

— Маскировка! Ну конечно же! Вы собираетесь замаскировать нас! Я буду молочницей. Один раз я доила корову, на летнем празднике в Швайнварде. Произвела на всех огромное впечатление. Молочник сказал, что у меня природная тяга к вымени.

— Чушь. Молочница! Ну и мысль. Нет, мои дорогие. У меня на уме нечто куда более коварное, более изощренное.

Более, если вы простите мне это слово... — короткая пауза для вящего эффекта, — ...авантюрное.

Луиза резко втянула в себя воздух.

— О дядя. Что вы задумали?

— Признаюсь, идею я почерпнул у вас. Помните, много-много лет назад я приезжал навестить вашу... эээ... вашу очаровательную отчизну? Тебе тогда только исполнилось пятнадцать, Луиза.

— Я помню. — От дурных предчувствий голос ее звучал мрачно.

— Вы сыграли для меня спектакль. «Гамлета», насколько я припоминаю. Как раз та самая меланхолическая чушь, что так нравится пятнадцатилетним девушкам. — Олимпия подошел к книжной полке, пристроил локоть около первого тома и посмотрел на племянниц любящим взглядом.

— Да, «Гамлета», — настороженно произнесла Луиза.

— Я вспомнила! — воскликнула Стефани. — Я играла Клавдия и принца норвежского, что в конце концов оказалось очень неудобно, а Эмили, разумеется, играла Полония...

Олимпия улыбнулся еще шире.

— А Луиза была Гамлетом. Верно, дорогая моя?

Часы на каминной полке нежно пробили три раза. Корги вскочил, пробежал кружок, второй и тревожно улегся у ног Стефани, то и дело подергивая ушами в сторону Олимпии.

— О нет, — сказала Луиза. — Это исключено. Невозможно, уж не говоря о том, что это просто неприлично.

Стефани захлопала в ладоши.

— О дядя! Какая восхитительная идея! Я всегда мечтала походить в брюках, это такая свобода! Только вообразить! Вы абсолютный гений!

— Мы не будем, — отказалась Луиза. — Только представьте себе скандал! И... и унижение! Вы должны придумать что-нибудь другое.

— Ой, успокойся, Луиза! Ты позоришь своих предков-варваров...

— Надеюсь! По крайней мере у меня есть хоть какие-то понятия...

— Право же, леди...

— ...покоривших степи России и памятники Рима...

— ...о том, каков мой долг по отношению к памяти моего несчастного супруга, и брюки в него не входят...

— Мои дорогие девочки...

— ...чтобы добиться богатства и власти, превративших нас в мишени для наемных убийц...

— ТИХО! — вскричал Олимпия.

Луиза замолчала, оставив в пустоту вытянутый палец. Стефани с мятежным выражением лица нагнулась и подхватила на руки дрожащего корги.

Олимпия возвел глаза к потолку, ища сочувствия в позолоченной лепнине. Ему казалось, что голова, не привыкшая к столь позднему бодрствованию, вот-вот свалится с плеч и покатится по испорченному корги аксминстерскому ковру.

Право же, он бы это только приветствовал.

— Ну что ж, прекрасно, — произнес он наконец. — Луиза отвергает мое предложение, Стефани его горячо приветствует. Эмили, дорогая моя? Полагаю, именно тебе придется подать решающий голос.

Стефани тоже закатила глаза, фыркнула и плюхнулась в кресло, прижимая к груди корги.

— Ну, значит, на этом все. Эмили ни за что не согласится.

— Я потрясена, дядя. Чтобы человек вашего положения мог даже просто подумать о подобном постыдном намерении? — Луиза с удовлетворением разгладила юбку.

Олимпия предостерегающе поднял руку и посмотрел на Эмили. Она сидела, выпрямив спину и переплетя пальцы. Голову она склонила набок, рассматривая какой-то далекий предмет глазами, в точности похожими на материнские.

— Ну, дорогая моя? — мягко произнес Олимпия.

Эмили постучала длинным пальцем по подбородку.

— Нам, конечно, придется обрезать волосы, — сказала она. — Луизе и Стефани замаскироваться будет проще, у них кость широкая, а вот я буду вынуждена носить бороду или хотя бы бакенбарды. К счастью, мы не относимся к дамам с большой грудью.

— Эмили! — потрясенно воскликнула Луиза.

— Эмили, голубка! — вскричала Стефани. — Я знала, что в тебе это есть!

Олимпия с откровенным облегчением хлопнул в ладоши.

— Решено! Вопрос улажен. Утром обсудим подробности. Куда делся чай? Должно быть, я приказал отнести его в ваши комнаты. — Он повернулся и нажал кнопку на столе: электрический звонок, проведенный тут всего месяц назад. — Ормсби вас проводит. Ну, вперед!

— Дядя! Вы не можете сейчас отправиться в постель!

Олимпия зевнул, потуже завязал пояс на халате и направился к двери.

— Однако именно туда я и отправляюсь. Просто изнемогаю от усталости. — Он помахал рукой. — Ормсби сейчас явится.

— Дядя! — с отчаянием воскликнула Луиза. — Вы не можете говорить все это серьезно!

Олимпия приостановился, взявшись за дверную ручку, и обернулся.

— Да бросьте, девочки мои, — сказал он. — Вам дадут соответствующие инструкции, вы разместитесь в уважаемых домах. Я свидетель, что вы все — актрисы выдающегося таланта. Кроме того, вы обладаете достоинствами и изобретательностью одной из самых аристократических семей. Помимо всего прочего, вам предоставляется моя неограниченная поддержка.

Он открыл дверь, широко развел руками и улыбнулся.

— Ну что может пойти не так?

Однако герцог Олимпия не пошел прямо в свою комнату. Он зашагал в противоположном направлении, по коридору в сторону лестницы для прислуги, находившейся в самой дальней части дома. У него за спиной постепенно затихали

женские возгласы, полные негодования и возбуждения, и наконец стало совсем тихо.

Мисс Динглеби дожидалась его в нише рядом с буфетом, где хранилось серебро. Когда он приблизился, она издала неясный звук и вышла на свет.

— А! Вот ты где, моя дорогая, — сказал Олимпия, посмотрел на нее с высоты своего немалого роста и нежно положил ладонь ей на щеку. — Пойдем-ка в постель, и ты расскажешь мне все от начала до конца.

Глава 1

Декабрь 1888 года

Обветшавшая гостиница в Йоркшире

Потасовка в пивной началась около полуночи, как это обычно и бывает.

Не то чтобы у Эмили имелся богатый опыт драк в пивной. Раза два ей доводилось краем глаза видеть какую-то странную суматоху на деревенской площади в Швайнварде (Швайнвард по праву считался самой буйной из трех провинций Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа, возможно, потому, что находился ближе всех к Италии), но гувернантка или какой-нибудь другой взрослый всегда торопливо уводили ее оттуда до того, как брызнет кровь.

Поэтому она с интересом следила, как разворачивается драка. Началась она как естественный результат игры в мокрые от эля карты. Эмили заметила игроков сразу же, едва уселась, преувеличенно покачиваясь, уперлась локтями в стол, потрогала бакенбарды, кожа под которыми мучительно чесалась, и, стараясь говорить как можно более низким голосом, потребовала бутылку кларета и вареного цыпленка. Они играли за столом в центре комнаты, ссутулившись и склонив головы так, словно боялись, как бы на них не обрушился ненадежный пожелтевший потолок, — трое или четверо широкоплечих мужчин в рабочих рубашках и домотканых куртках, небрежно брошенных на спинки стульев, и один юнец, еще совсем мальчишка.